

DOI: 10.47475/9785727118054_63

Е. Е. Иванов

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова (Могилёв, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (на европейском паремиологическом фоне)

UNIVERSAL PROVERBS IN THE LANGUAGES OF THE AUTOCHTHONOUS PEOPLES OF RUSSIA (on the european paremiological background)

Аннотация

В статье рассматриваются универсальные пословицы в языках коренных народов Российской Федерации. Определяется понятие универсального в паремиологии. Утверждается, что универсальный характер может иметь не только логическая форма содержания пословиц, но понятия и образы, отражённые в пословицах. Делается вывод о том, что универсальными могут быть и структурно-семантические модели пословиц, в которых комбинируются универсальные логические структуры и универсальные понятия и образы. Универсальная структурно-семантическая модель пословицы реализуется в разных языках в форме своих национальных вариантов. Универсальные пословицы в языках коренных народов России употребляются достаточно широко. Описание универсальных пословиц в микроязыках России является важным в теоретическом аспекте (языковой типологии), а также в прикладном аспекте (лексикографии и лингводидактики). Выявление универсальных пословиц в языках коренных народов России поможет идентифицировать этнокультурную специфику их пословичных фондов.

Abstract

The article deals with universal proverbs in the languages of the autochthonous peoples of the Russian Federation. The concept of universal in paremiology is defined. It is argued that not only the logical form of the content of proverbs, but the concepts and images reflected in proverbs can have a universal character. It is concluded that structural-semantic models of proverbs can also be universal, in which universal logical structures and universal concepts and images are combined. The universal structural-semantic model of the proverb is realized in different languages in the form of their national variants. Universal proverbs in the languages of the autochthonous peoples of Russia are used quite widely. The description of universal proverbs in Russian micro-languages is important in the theoretical aspect (language typology), as well as in the applied aspect (lexicography and linguodidactics). The establishment of universal proverbs in the languages of the autochthonous peoples of Russia will help to identify the ethno-cultural specifics of their proverbial funds.

Ключевые слова: паремиология, пословица, языковая универсалия, коренные народы Российской Федерации, малые языки, европейские языки.

Keywords: paremiology, proverb, language universal, autochthonous peoples of Russian Federation, micro-languages, European languages.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российская Федерация).

Исследование проведено в рамках выполнения задания Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., № 20211335 (Республика Беларусь).

This publication was supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program (Russian Federation).

The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021–2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

В современной паремиологии среди единиц паремиологического фонда языка выделяются «универсальные» пословицы, которые понимаются весьма неоднозначно, от определённых пословичных типов до таких отдельных пословиц, которые фиксируются в большом количестве разных языков различных языковых групп и семей [Паремиология на перекрёстках ... 2021, с. 55–80].

Паремиологи давно заметили, что пословицы в самых разных языках мира бывают поразительно похожи по содержанию (значению и внутренней форме), логической структуре, лексическому составу, синтаксической организации, вербальным средствам выражения, способам функционирования и др. Такое сходство привело к поиску общих (универсальных) свойств пословиц как фразовых текстов и как устойчивых единиц. Наиболее масштабными по объёму, разнообразию фактического материала и полу-

ченным результатам остаются классификации пословиц языков мира по универсальным логико-семиотическим типам и логико-тематическим группам, разработанные в своё время Г. Л. Пермяковым [Пермяков, 1988, с. 11–33, 107–134].

Большинство паремиологов (как лингвистов, так и фольклористов) сходятся в том мнении, что в пословицах универсально только их содержание, а образный план, лексический состав и грамматическая организация пословиц зависят от конкретного языка. Так, по словам Ю. И. Левина, «паремиологам хорошо известно, что значения подавляющего большинства пословиц представляют собой универсалии: для почти любой пословицы данного народа можно почти всегда найти синоним среди пословиц любого другого народа; различия касаются почти исключительно предметно-образной сферы, не затрагивая значений» [Левин, 1998,

с. 501]. Однако указанный подход оставляет за пределами универсального всё, что не касается содержания пословиц, и отражает, на наш взгляд, их не лингвистическое, а фольклорное понимание (не как языковых знаков, а как однофразовых текстов, одного из малых жанров устного народного творчества).

Можно предполагать, что общий (т. е. универсальный) характер имеют не только «логическая форма содержания», положенная Г. Л. Пермяковым в основу определения и разграничения универсальных типов ситуаций, отражённых в пословицах «народов, которые не имеют родственных отношений, не имели и не имеют контактов друг с другом и находятся на разных стадиях общественного развития» [Пермяков, 1988, с. 20].

Общий (т. е. универсальный) характер, на наш взгляд, имеют также предметные и образные представления, отражённые в словах-компонентах пословиц (вопреки Г. Л. Пермякову), однако только в тех случаях, когда их совпадение можно непротиворечиво объяснить принципиальной общностью теоретического и практического опыта различных народов, независимо от этнического и языкового родства, межъязыковых контактов (например, наименования и образные интерпретации природных явлений, частей тела человека, представления о большом и малом, далёком и близком, причине и следствии, хорошем и плохом и т. п.).

К общим (т. е. универсальным), на наш взгляд, следует относить и такие структурно-семантические пословичные модели, в которых сочетаются, во-первых, универсальные логические формы и содержания пословиц (как установил в своё время Г. Л. Пермяков), во-вторых, универсальные пословичные образы и понятия.

В этом смысле универсальной можно назвать пословицу, в которой совпадает с другими языками как её логическая структура, так и те образы и/или понятия, которые являются доминантными в её плане содержания. Количество таких языков, видимо, не имеет значение, главное, чтобы эти языки не были родственными тому языку, в котором определяется универсальность пословицы, и не имели с данным языком непосредственных языковых и/или культурных контактов.

Обнаружение универсальных пословиц в том или ином языке имеет значимость как в сопоставительно-типологическом плане для выявления в перспективе типологической близости / отдалённости пословичных фондов различных языков мира, так и в лингвокультурологическом аспекте [Мокиенко, 2020], поскольку позволяет не только установить общие с другими языками и лингвокультурами пословицы, но и определить путём их исключения объём и состав исконных (специфических для данного языка) пословичных единиц и интернациональных (генетически общих с родственными языками и/или заимствованных из других языков) пословиц.

В прикладном плане установление объёма и состава универсальных пословиц позволит существенно упростить и сделать более объективным их лексикографическое описание в сопоставительных и переводных словарях, в которых так остро нуждается подавляющее большинство языков коренных народов России, не имеющих за редким исключением паремнографического описания в сравнении с широким кругом языков мира (прежде всего, на фоне европейских языков). Установление универсальных пословиц значимо и в лингводидактическом плане, поскольку отвечает задачам сравнительной типологии родного и иностранного (неродного) языков. Особенно важным это становится сей-

час, когда современный социум, с одной стороны, открыт для широкой межкультурной коммуникации, а с другой стороны, стремится к этнокультурной самоидентификации в мире тотальной глобализации.

Исследование показало, что универсальные пословицы встречаются в языках коренных народов России, поэтому требуют специального изучения как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте (лексикографическом и лингводидактическом). Особенно по отношению к русскому языку, который на протяжении многих столетий является языком межэтнического общения в многонациональной России и поэтому оказывает влияние на языки коренных народов, в том числе и в плане межъязыковых контактов как язык-транслятор, и как язык-передатчик.

Например, в русском языке широко известна пословица «Конь на четырёх ногах — и тот спотыкается», которая имеет прямые аналоги и в чувашском языке («Лаша тават урала пулсан та тапанать»), и в эрзянском языке («Алашанть ниле пильгонза, ито пупорай»), и в зырянском языке («Вол н'ол' кока да джомдало-а, мортылды сидз нин шуома»), и в карельском языке («Erehtyuhai hebonegi nel'gal jallal, ammui ihmine kahel»), и в вольском языке («Epen i nellal jalka compasub»), и в вепском языке («Hebo om nel'gal d'ougal daise lanktob»).

На первый взгляд, употребление одной и той же пословицы в разных языках и лингвокультурах можно объяснить влиянием русского языка, однако обращение к пословичным фондам других языков показывает, что пословица эта встречается в большинстве славянских языков, во многих балтийских, германских и романских языках, в финском и венгерском языках, и даже в турецком и китайском языках. Например, в белорусском — «Конь на чатырох нагах <і то> спатыкаецца»; «У каня чатыры нагі, і то (той) спатыкаецца»; в болгарском — «Конят на четири крака и пак ца срепва, а то не челяк» (Конь на четырёх ногах и то спотыкается, не то, что человек); «Конят има четири крака и пак се препва, та камо ли човек» (Конь имеет четыре ноги и то падает, не то, что человек); в польском — «Koń ma cztery nogi, a potknie się» (Конь имеет четыре ноги и спотыкается); «Koń, co ma cztery nogi, spotknie się, a cöz dopiero czlowiek, który ma tylko dwie» (Конь, который имеет четыре ноги, спотыкается, что сказать про человека, у которого есть только две); в словацком — «Kobzla má stžri nohy a potkne sa» (Конь имеет четыре ноги и спотыкается); в словенском — «Se konj se spotika četveronog» (Конь спотыкается, хоть имеет четыре ноги); в украинском — «Кінь на чотирьох (і то) спотикається»; «Кінь на чотирьох (ногах), та й спотикається»; в чешском — «Nekdy i kůn dobrý na čtyrech nohách se potkne / podklesne» (Иногда хороший конь на четырёх ногах спотыкается / кривится); «Kůn má čtyři nohy, každý clovek rochybi» (У коня четыре ноги, каждый человек ошибается); в латышском — «Zigram četras kajās, un tomer klup» (У коня четыре ноги и всё равно спотыкается); «Zirgs klup uz četvram, kur nu vel cilvēks uz divam» (Конь спотыкается на четырёх, где человек спотыкается на двух); в литовском — «Arklys ir keturiomis kojimais suklumpa» (Конь с четырьмя ногами спотыкается); «Arklys raklumpa su keturiomis kojimais, o zmogus su dviem kojima dar veikiaus» (Конь спотыкается на четырёх ногах, человек на двух ногах всё равно работает); в английском — «A horse stumbles (may stumble) that has four legs» (Спотыкается / может споткнуться конь, у которого четыре ноги); «A horse stumbles that has four legs» (Конь спотыкается, у ко-

торого четыре ноги); в немецком — «Stolpert / Strauchelt doch auch ein Pferd mit vier Beinen / und hat vier Bein / und auf vier Eisen» (Спотыкается конь на четырёх ногах / и имеет четыре ноги / на четырёх подковах) «Das Ross hat vier Fusse und stolpert doch (У коня четыре ноги, и он спотыкается); в испанском — «No hay caballo tan bueno que no tropiese» (Нет такого коня, который не спотыкается); «No hay caballo, por bueno que sea, que no tropiese» (Нет коня, как бы он ни был хорош, кто не спотыкается); в итальянском — «(E) cade anche un cavallo che ha quattro gambe / zampe (Конь падает на четырёх ногах); в венгерском — «A lónak négy lába van, mégis (még) botlik» (У коня четыре ноги, спотыкается / падает); «A lónak négy lába van, megis (meg) botlik, hat akinek ketto» (У коня четыре ноги, спотыкается / падает, не то на двух); в финском — «Erehty hevonnin neljalta jalalta» (Конь спотыкается на четырёх ногах); «Hairahtuuhan se hevonenkin neljalta jalalta, saati ihminen yhdelta kielelta» (Спотыкается конь с четырьмя ногами, не говоря уже о человеке с одним языком); в турецком — «Atın dört ayakı var o da bazan tokerler» (У коня четыре ноги, которые иногда вытягиваются); в китайском — 馬有失蹄 «Even a horse's hoof may slip» (Даже копыто коня может соскользнуть) [Петрушевская, 2020, с. 58–60].

Общее количество языков, в которых зафиксирована пословица про коня, который спотыкается на четырёх ногах, превышает 50 из различных языковых семей и языковых групп. Пословица является универсальной и имеет общую для всех языков, в которых она употребляется, пословичную структурно-семантическую модель: «A horse has four legs and still it stumbles (or it may stumble) (v1) (У коня четыре ноги и всё ещё он спотыкается (или он может споткнуться)); v1 + man on two legs can be expected to err (or why man should not err on two / word) (v1+) (+ человек на двух ногах может ошибиться (или почему человек не должен ошибиться на двух / в слове)); Even a good (or the best) horse stumbles (v2) (Даже хороший (или лучший) конь спотыкается)» [Paczolay, 1997, p. 155]. В каждом из языков реализуется национальный вариант одной и той же пословицы.

Важнейшим элементом идентификации пословиц в разных языках как национальных вариантов одной и той же универсальной пословицы выступает «пословичная структурно-семантическая модель» [Иванов, Петрушевская, 2021], на основании которой с помощью специально разработанной методологии возможно объективно отграничить в составе пословичного фонда одного языка универсальные единицы от национальных (уникальных) и интернациональных (общих с родственными языками и/или языками исторических контактов) [Петрушевская, 2021].

Список литературы

1. Бредис, М. А. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ш. Ю. Кужугет // *New Research of Tuva*. — 2021. — № 4. — С. 143–160. — Текст: непосредственный.
2. Бредис, М. А. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // *Bulletin of Ugric Studies*. — 2021. — Vol. 11. — № 4. — С. 618–629. — Текст: непосредственный.
3. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // *Вестник*

Можно предполагать, что происхождение того или иного варианта универсальной пословицы в конкретном языке будет зависеть от родства языков или языковых контактов, но сам факт наличия одной и той же пословицы (пусть и в слегка различающихся формальных вариантах) в разных языках, многие из которых не являются родственными и никогда не контактировали между собой, является результатом общих для разных языков процессов формирования их пословичных фондов, в которых своё должное место занимают единицы с универсальным содержанием и универсальной структурой, т. е. с отражением универсальных понятий с помощью универсальных образов по универсальным структурно-семантическим моделям.

Универсальные пословицы зафиксированы в языках прибалтийско-финских народов России [Бредис, Иванов, 2021], тюркских народов России [Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021]. Весьма показательны при этом, что универсальная пословица может иметь в отдельных национальных вариантах этнокультурно маркированные компоненты, которые позволяют рассматривать такой вариант универсальной пословицы как часть национального компонента пословичного фонда данного языка [Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021, с. 1024]. Такие пословицы требуют изучения как этнолингвокультурный и как собственно языковой феномен.

Этнокультурно маркированные компоненты универсальных пословиц представляют особый интерес и должны специально комментироваться при лексикографическом описании пословичных фондов коренных народов России. Для этого предназначена «зона этнолингвокультурологического комментария», которая «аккумулирует разного рода толкования этнолингво- / этнокультурно ассимилированных или этнолингво- / этнокультурно маркированных» пословиц из числа таких единиц, которые имеют «пословичные аналоги или корреляты в современных европейских языках» [Бредис и др., 2021, с. 149].

Таким образом, даже если конкретная универсальная пословица и была заимствована из другого языка, она занимает своё место в пословичном фонде данного языка благодаря прежде всего универсальным качествам человеческого мышления и восприятия действительности, которые проявляются и отражаются в универсальных пословицах. Наличие универсальных пословиц в языках коренных народов России свидетельствует не только о принципиальной общности способов отражения действительности в пословицах разных народов, но и об отсутствии жёстких границ между национальными пословичными фондами, которые в своей совокупности составляют единый европейско-азиатский паремиологический континуум.

Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 996–1035. — Текст: непосредственный.

4. Иванов, Е. Е. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова // *New Research of Tuva*. — 2021. — № 3. — С. 232–248. — Текст: непосредственный.

5. Иванов, Я. Я. Асноуныя кампаненты прыказкі як моунай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль / Я. Я. Иванов, Ю. А. Петрушевская // *Вестні БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*. — 2021. — № 4. — С. 48–52. — Текст: непосредственный.

6. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. — Москва: Языки русской культуры: Кошелев, 1998. — 822 с. — Текст: непосредственный.

7. Мокиенко, В. М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе / В. М. Мокиенко // Перспективные направления современной лингвистики / под ред. В. В. Воробьёва, Д. С. Скарёва, М. Л. Новиковой. — Москва: Изд-во РУДН, 2020. — С. 42–53. — Текст: непосредственный.

8. Паремиология на перекрёстках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская: под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. — Москва: Изд-во РУДН, 2021. — 246 с. — Текст: непосредственный.

9. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. — Москва: Наука, 1988. — 236 с. — Текст: непосредственный.

10. Петрушевская, Ю. А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка / Ю. А. Петрушевская // WEST — EAST. Scientific Journal of International Scientific Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). — 2021. — Vol. 5, № 1. — С. 61–72. — Текст: непосредственный.

11. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты у парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік: больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак / Ю. А. Петрушэўская. — Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. — 312 с. — Текст: непосредственный.

12. Paczoly, G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese / G. Paczoly. — Veszprem: Veszpremi Nyomda, 1997. — 528 p. — Текст: непосредственный.

Сведения об авторе

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов; заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; e-mail: ivanov-msu@mail.ru